

ствованная эпитафия не без некоторого глумления будет приведена в романе «Идиот»: ерник и шут Лебедев почитит ею свою якобы отстреленную в 1812 г. и погребенную на Ваганьковском кладбище ногу (по коей он ежегодно служит панихиды). Подобный поворот сюжета отнюдь не свидетельствовал о кощунственных наклонностях автора. Карамзинская строка понадобилась исключительно для целей литературных. В этом смысле воскрешение старой надгробной надписи есть еще и средство самопародии – усмешка над своим тогдашним жизне- и смертеощущением.

(На надгробии М.Ф. Достоевской кроме того еще значилось: «Под сим камнем погребено тело надворной советницы» и т.д. Но *надворным советником* М.А. Достоевский сделался лишь по получении отставки в 1837 г., то есть уже после смерти супруги. Такое посмертное повышение ее в чине заставляет вспомнить притчу о том, как некто, гуляя по кладбищу, наткнулся на памятник: «Здесь покоится титулярный советник, представленный, однако, в коллежские асессоры...»).

«Покойся, милый прах...» Увы, эсхатологическому пожеланию братьев Достоевских – по крайней мере в первой его части – не суждено было сбыться. Задолго (хотелось бы верить!) до наступления «радостного утра» – а именно в половине 1930-х гг. – Лазаревское кладбище, существовавшее с 1758 года, было ликвидировано. Правда, надгробный памятник сохранился: тщанием М.В. Волоцкого он был передан московскому Музею Достоевского. Был, очевидно, *изъят* и прах: во всяком случае, проф. М.М. Герасимов реконструировал портрет матери Достоевского по ее черепу. По некоторым сведениям, скелет Марии Федоровны находится ныне в собрании Антропологического музея. Будь Михаил Андреевич Достоевский похоронен не на церковном погосте села Моногарово, а рядом с любимой женой, его останки, возможно, постигла бы та же участь (не способствовала бы такая эксгумация решению вопроса о причинах его таинственной смерти?). Но, кажется, пришло время исполнить волю семьи и веление христианского долга – успокоить наконец прах матери Достоевского: естественнее всего – в том же Моногарово. Хотя могила Михаила Андреевича тоже утрачена (в разрушенной моногаровской церкви Сошествия Святого Духа – одноименной той, что на Лазаревском кладбище! – был склад, на месте погоста – заваленный мусором пустырь), предпринятые в последние годы усилия историков, литературоведов и археологов дают все же некоторую надежду. В прошлом, 2005 году на предполагаемом месте захоронения М.А. Достоевского установлен памятный крест.

...«Покойся, милый прах, до радостного утра» – чаяние о воскресении. Собственно, об этой *последней надежде* говорит само название погоста: кладбище Лазарева воскресения. В расположившейся на нем Духосошестввенской церкви, которая, в отличие от самого кладбища, сохранилась до сих пор, имеется фреска «Воскрешение Лазаря»: ее, разумеется, видел Достоевский. И этот захватывающий сюжет не мог не запасть в его детскую память.

Порфирий Петрович вопрошает Раскольникову:

- « – И-и-и в Бога веруете? Извините, что так любопытствую.
- Верую, – повторил Раскольников, поднимая глаза на Порфирия.
- И-и в воскресения Лазаря веруете?
- Ве-верую. Зачем вам все это?
- Буквально веруете?
- Буквально».

Воскрешение «Лазаря четверодневного» (то есть четыре дня проведенного во гробе) – величайшее из всех чудес, совершенных Иисусом. Вера в это чудо есть безусловное признание божественной природы Христа и, следовательно, разрешение упования на грядущее воскресение всех. (Этот эпизод Евангелия от Иоанна всегда вызывал сильнейшее негодование богословской критики: «Когда он (Иисус. – **И.В.**) разбудил заснувшего *летаргическим сном* Лазаря...» – такова сугубо медицинская оценка события в